

ОДИН МОЙ приятель ска- зал о них: «По-моему, они все немного сумасшедшие, а?». Помолчал и добавил: «А может быть, и нет...» Еще помолчал. И закончил: «А может быть, это мы ненормальные, не можем понять нормальных людей...»

Многие действительно плохо их понимают: зачем это нужно лезть глубоко под землю, продираясь через узкие лазы, где можно двигаться лишь лежа, ногами вперед, с руками, либо плотно прижатыми к телу, либо вытянутыми за головой. Зачем это нужно: часами, а то и сутками мокнуть в коварных подземных водопадах, нырять в подземное озеро, отыскивая, куда дальше может вывести выход, и преодолевать один отвесный колодец за другим.

Люди, которые их не понимают, говорят, что это непрерывный риск жизнью. Для неподготовленного человека, безусловно, риск есть, он велик даже. Но риск есть и в том случае, если вы садитесь в трамвай. Другое дело, что может быть случай. Слепой, жестокий, бессмысленный. От которого никто не может считать себя застрахованным.

Меня удивляет другое. Они мучаются в бездонных подземельях, стремясь проникнуть как можно дальше, волоча за собой мокрые, тяжелые мешки с веревками, лестницами, крючьями, потом, пройдя путь до конца, безмерно усталые и истощенные, лезут обратно и снова снимают свое снаряжение и тащат его за собой, и вылезают наверх, нередко спутав не только время суток, но даже и дни. И тут же ложатся на землю без сил у самого входа в пещеру, и кланют ее про себя, а иногда и вслух, в дают себе слово никогда больше в эти дыры не лезть. И всякий раз, я заметил, в этих абстрактных проклятиях скрывает восхищение. Восхищение перед красотой подземного мира, так непохожего на то, что мы привыкли видеть вокруг, перед тем нескончаемым разнообразием препятствий, которые подземелья воздвигают перед исследователем. И еще перед тем — правда, это уже безотчетное восхищение, — что человек все это может пройти. Решительно все.

Я помню, как во время первой моей экспедиции со спелеологами мы вместе с Миром Савчиным, мастером спорта по боксу, вылезли из отвесного сорокаметрового колодца и тут же без сил улеглись на самом краю. Потом Мир встал, снял мокрый, щедр, обмозганный грязью комбинезон, во время спуска ставший лохмотьями, положил ближе к плечу в колодец. Я подумал тогда, что это у них такой обычай — как вылезешь, надо плюнуть в дыру, и спросил Мира об этом. Он немного смутился: «Да нет, это я так... Ну, знаешь, врожденный инстинкт, взяла ты меня, проклятая...»

А еще чуть позже, в той же экспедиции, я услышал разговор, который помог мне их лучше понять.

Пещера была очень тяжелой, и каждый метр ее приходилось брать с боем. Крупные ребята вообще сквозь ее щели пролезть не могли и измученные, злые возвращались обратно. Шесть часов продирались в ней Гена Пантюхин — опытный спелеолог из Симферополя — и свердловчанин Миша Загидуллин. Вылезли оба в лохмотьях. К ним подошли трое ребят из Ленинграда — им предстояло спуститься, чтобы сделать внизу топоросъемку. Пантюхин с Загидуллиным раздевались, а ленинградцы, глядя на них, одевались. Все долго молчало. Потом ехидный Пантюхин

говорит: «Теперь можно будет лишь под землей, и тишина, которую человек мог услышать лишь в каменном веке, а теперь — разве что в космосе. Когда-то на земле не было столько света и шума. Человек рос и формировался в совершенно иных условиях, чем те, в которых его обрекла жить цивилизация. Теперь без света мы ощущаем большие неудобства, а долгая тишина кажется нам, с одной стороны, чем-то угнетающим и не вполне нормальным, а с другой — желанным и недоступным».

Под землей все осталось таким, как и многие сотни тысяч лет назад. Спелеологи ощущают это особенно остро. Спускаясь глубоко под землю, они идут вдоль русла, промы-

есть истории, хранящие воспоминания о критических минутах, иной раз — даже часах, когда потребовалось немалое мужество, чтобы не испугаться, не поддаться отчаянию, просто вытерпеть.

И знаете что? Им, видимо, нравятся такие мучения. Спустя некоторое время они рассказывают о них с наслаждением. Коля Чеботарев, председатель секции спелеологии МГУ, сказал: «Мне кажется, что главное в этом деле вовсе не то, что хочется пролезть как можно дальше, а то, что удается все это выдержать».

...Мы говорили об этом в поезде, когда ехали в очередную экспедицию, организованную спелеологами Московского университета. Два

СПЕЛЕОЛОГИ

В лагере, неподалеку от Снежной.

Фото автора.

спросил: «Честно, ребята, глядя на нас, нам хочется лезть? Ставлю психологический опыт...» Ответил Виктор Волков: «Честно — не очень». Пантюхин: «А зачем тогда лезете?». Виктор улыбнулся: «А я и сам не знаю». Сел на землю и свесил ноги в дыру, собираясь спускаться.

Знают они отлично. Как это можно не знать? Но разве будешь об этом говорить человеку, который знает все не хуже тебя и который на твоём месте ответил бы именно так. Разве будешь описывать сурово прекрасные подземелья и все неизмеримо тяжелые трудности, преодолев которые, чувствуешь себя победителем... Об этом не говорят. И об этом не забывают. Вот почему, едва расставшись с пещерами и прокляв их, спелеологи уже мечтают о встрече с ними. Год — до следующего отпуска или каникул — они готовятся к очередной экспедиции, подбирая и обновляя снаряжение, подлатывая старые комбинезоны и все это время вспоминая те далекие и прекрасные дни, когда они один на один сражались с природой.

Но и не только поэтому спелеологов манят пещеры. За их порогом открывается таинственный мир мрака, ко-

того водами за эти вот многие сотни тысяч лет. Они идут там, где никогда прежде не ступала, да и не могла ступить нога человека. Потому что первобытному человеку, не вооруженному современным снаряжением, не под силу преодолеть эти бездонные колодцы и сифоны, скрывающие в глубине своих вод своды хода. Открывая новую пещеру и спускаясь в ее расщелины, спелеолог знает, что до него здесь никогда никто не ходил. Чувство открывателя — вот что еще им дарят пещеры.

В книге основателя спелеологии известного французского ученого Норбера Кастере я нашел такие строки: «Мне не раз приходилось слышать от моих коллег-спелеологов, что стоит лишь им очутиться под землей и они полностью забывают о своих заботах и беспокойствах, кажется, будто все свои невзгоды они оставляют у входа в пещеру...» Это тоже важно. Через физические лишения и трудности они приходят к уверенности в себе, к уверенности в свои возможности, силы.

И еще: пещеры помогают им лучше понять себя, испытать и закалить свой характер. У каждого из спелеологов

года назад в горах Абхазии, на Бзыбском хребте они нашли пещеру, которая оказалась им многообещающей. Вход в нее лежал высоко в горах, выше зоны леса и выше альпийских лугов, и только для того, чтобы подняться к нему, нужно было идти целый день. Пещеру называли Снежной, потому что у входа в нее на дне глубокого колодца лежал вечный снег. Она не обманула надежд, эта пещера: во время следующей экспедиции спелеологам удалось пройти 780 метров по вертикали и установить новый всеобщий рекорд. Снежная стала глубочайшей пещерой страны.

Весь день, пока мы ехали в поезде, с утра и до позднего вечера, ребята доделывали всякие небольшие дела, которые не успели закончить в Москве перед отъездом. Многие из них только-только получили диплом, у других едва закончилась сессия. Женя Астрахарчик усердно клеил гидрокостюм — без него в Снежную нечего думать идти — воды в ней много. Юра Майоров аккуратно выстрогал ножницами бахрому в дырах комбинезона и ловко накладывал плотные латки. Там, в лагере, этим уже некогда будет заняться.

Ну вот, а потом мы два дня потеряли в Сухуми, ожидая летней погоды — геологи пообещали нам свой вертолет, чтобы забросить поближе к лагерю, и я видел, как нервничали ребята, потому что время шло, а они все сидели без дела. Они отлично понимали, как нужны там, наверху, где шторм Снежной длится уже более двух недель. Потом они не вытерпели и, взяв тяжелые, гипертрофированные рюкзаки, ушли, собираясь подняться, как обычно, пешком. Так-то надежнее...

А потом в горах случилось несчастье.

Л. РЕПИН.
(Наш спец. корр.).

Абхазия,
Бзыбский хребет.
(Окончание следует).

ТАК случилось, что я стал невольным свидетелем и участником этих событий.

Небо в тот день было силосно затянуто гучами, и долины тоже скрывались под плотной вуалью тумана, казалось, что лагерь разбит на маленьком необитаемом острове — потому что и гор вокруг не было видно. И нудный, непрерывный дождь. Спелеологи, отдыхающие после работы внизу, сидели под полиэтиленовым тентом и, обжигаясь, пили горячий чай. Большое удовольствие этот чай в такую погоду.

Потом Саша Муранов повел нас к пещере — надо же было на нее хотя бы посмотреть.

Муранов надел каску с прожектором, обвязался веревкой и перелез через край. Я опустил голову, чтобы поставить на аппарате нужную выдержку, а, когда вновь посмотрел на Муранова, его уже не было. Только с огромной скоростью раскрутилась лежащая на земле веревка. Через несколько жутких мгновений снизу раздался глухой удар... Я не мог поверить в то, что случилось, стал звать Сашу, но было тихо. Тридцать пять метров до дна... Срываясь и падая, я бежал в лагерь за помощью, все время непрерывно кричал, но горы и дождь заглушали мой голос — это я смог понять только потом.

И снова — вверх, к Снежной, в полном молчании, потому что все думали в эти минуты лишь об одном: что там с Сашей...

Первым в пропасть спустился Женя Цыбинов. Он обвязался веревкой и, быстро перебирая ногами и отталкиваясь от вертикальной стены с ловкостью опытного скалолаза, скрылся внизу. Тут же за ним пошел Женя Кудрявцев, потом — Миша Загидуллин. Кто-то из них крикнул с самого низа: «Жив!». Трудно было поверить, что, упав с такой высоты, человек может остаться живым... Но большинство спелеологов вели себя так, как будто и не сомневались, что может быть что-то иное...

Около двух часов мы поднимали их — всех четверых. Четыре веревки, каждую тянули шесть человек. Дождь не утихал ни на минуту, взмокшие веревки, обмозанные землей, вырывались, выскальзывали из рук,

то и дело их заклинивало в камнях, и тогда приходилось их плавно и легко выдвигать. А в это время Виталий Шиманов и вместе с ним еще кто-то спешно мастерили носилки, Муса Григорьев и Галя Ивутина под нависшей скалой готовили медикаменты, грели воду. И все молчали.

Мы долго и осторожно несли его по горным склонам, по которым и без носилок идти было трудно. Часто мы падали, иногда сразу двое, но во-

ше, говорил мне: «Послушай, я ему сделал все, кроме рентгена! Честное слово, в Москве лучше не сделали бы!». Всю эту трудную дорогу наверх Шота бережно нес молоко — напоить Сашу. На другой день, узнав о беде, с альпийских лугов поднялись пастухи и тоже принесли молока. Сашу осторожно переложили с носилок на бурку. Шота говорил: «Послушай, что может быть мягче бурки?».

А в это время, далеко от

Спелеологи слышали, как вертолет около часа кружил над лагерем, выжидал, когда хотя бы немного рассеются тучи. И все в лагере с напряжением ждали, что будет дальше. Иногда им казалось, что вертолет уходит, и тогда они ощущали внезапный прилив беспомощности, иногда они почти видели, как машина садится, — и тогда все замирали в радостном ожидании, но и почти не веря себе. Время шло, а об-

даже. Опытный спелеолог из московской городской секции Александр Ефремов говорил мне: «Это не чудо. Спелеолог, в общем, всегда подготовлен к такому случаю. Сорвешься — летишь, а сам уже морально сопротивляешься...» Это очень похоже на то, что мне рассказывал потом, уже в больнице, Саша Муранов. И это очень похоже на строки, которые я нашел в книге всемирно известного спелеолога Мишеля Сифра: «...чем больше я размышляю, тем яснее мне представляется, что выжил я в той предельно враждебной среде лишь потому, что по-настоящему хотел жить и не допускал даже мысли о возможности поражения». И еще каждую минуту с той самой поры, как случилось несчастье, с Сашей были друзья — знакомые и незнакомые люди, пришедшие, повинувшись неписаному закону гор, по первому зову на помощь.

Сейчас Саша поправился. Чувствует он себя хорошо. Он уже вышел на работу.

Работы в экспедиции из-за несчастного случая пришлось тут же свернуть. Спелеологи успели только пройти до прошлой годней рекордной отметки — 770 метров по вертикали. Но и это — большой успех москвичей. Впервые в нашей стране был поставлен базовый лагерь на глубине 750 метров, в нем жило несколько групп по три человека. Группа свердловчан, группа томицкой и московская группа. Шесть человек работали под землей, не выходя на поверхность, семь суток. Но самое главное и самый важный успех — базовый лагерь. Он открывает большие удобства в исследовании пещеры, позволяет сделать тщательную топосъемку, дает возможность спелеологам отдыхать после работы.

Прощаясь, я спросил Сашу: «Ну вот... Теперь, наверное, о пещерах долго не сможешь думать...» Он ответил: «Ну, почему...» Помолчал и сказал: «Там видно будет...» И я сразу вспомнил, что мне рассказывал Виталий Шиманов, который как-то тоже упал в колодезь и летел метров семь: «Я тогда год не мог о пещерах думать...» Я спросил: «А теперь?» — «А теперь — сами видите...»

Л. РЕПИН.
(Наш спец. корр.).

Бзыбский хребет — Сухуми.

СПЕЛЕОЛОГИ

Это Саша Муранов.

Фото автора.

лагеря, мы сидели в Сухумском аэропорту и, глядя на далекие горы, сплошь покрытые облаками, ждали погоды. Вертолет был — начальник аэропорта Родион Таркля тут же отдал приказ летчикам, как только узнал о беде, и сами летчики готовы были лететь в ту же секунду, а теперь сидели в порту с нами и не уходили, хотя рабочий день их давно кончился. Машина была, летчики были, приказ был — не было только погоды. Командир вертолета Виктор Михайлович Белянин и второй пилот Борис Глущенко давно летают в горах и знают, наверное, каждую долину и каждую вершину. Лишь они знают, где разбили свой лагерь спелеологи, но и они сейчас были бессильны. Оставалось только одно: ждать.

А дальше было так: утром следующего дня, узнав о неутешительном прогнозе погоды, Белянин и Глущенко вылетели. Эти треклятые облака могли держаться еще день, и два, и три, и неделю...

лака по-прежнему текли плотной, ленивой массой. Потом вдруг в облаках образовался разрыв — пятачок размером с машину, но более — и в это оконце тут же проваливается вертолет и плавно садится. Оконце сразу же затянулось...

На диспетчерском пункте аэродрома все с волнением ждали, когда Белянин снова выйдет на связь, о теперешнем состоянии Саши никто в городе не знал ничего. Первое, что сказал Белянин, было: «На борту тяжелобольной, прошу санитарную машину подать к трапу». Машина уже ждала. Потом сквозь треск помех снова голос Белянина: «Он в сознании, начал разговаривать помаленьку...»

...Мне и сейчас кажется, что Саша чудом остался жив. Тридцать пять метров, высота двенадцатитрехэтажного дома... Спас его снег. На дне колодезя, куда он упал, лежал старый, плотный снег. Но все равно удивительный случай — ни одного перелома

Шольников. А. С. Пушкин.

«Сказка о рыбаке и рыбке»

Спектакль. 16.40 — «Обыкновенный человек»

17.10 — Одноактный

18.10 — «Мир»

18.30 — Цв. тел. «Светлая»

21.00 — «Дневник»

W 181